

Litera

Правильная ссылка на статью:

Готовцева А.Г. Гражданский кодекс Наполеона в политическом дискурсе Александровской эпохи // Litera. 2024. № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.10.72028 EDN: NJAOFM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72028

Гражданский кодекс Наполеона в политическом дискурсе Александровской эпохи

Готовцева Анастасия Геннадьевна

доктор филологических наук

профессор; кафедра журналистики и телевизионных технологий; Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
ведущий научный сотрудник; Институт научной информации по общественным наукам РАН

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1

✉ brunhilda@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.10.72028

EDN:

NJAOFM

Дата направления статьи в редакцию:

14-10-2024

Дата публикации:

21-10-2024

Аннотация: «Гражданский кодекс» Наполеона – фундаментальное произведение европейской правовой мысли, которое не могли обойти вниманием отечественными политики. Выдающийся государственный и общественный деятель М.М. Сперанский, назначенный императором Александром I в Комиссию составления законов, конечно, не мог не обратиться к этому тексту, более того, при составлении своего знаменитого «Проекта гражданского уложения» он активно его использовал. Но разность общественных формаций Франции, шире – Европы, и России заставляли законодателя адаптировать многие положения для сословного российского общества. Тем не менее влияние Кодекса на «Проект» Сперанского было настолько заметно, что вызвало резкое неприятие в консервативных кругах. Главными оппонентами государственного секретаря

были Н. М. Карамзин и А. С. Шишков, которые критиковали «Проект». При написании данной статьи основным методом был метод дискурсивного анализа. Этот метод, который традиционно определяется как «речь, погруженная в жизнь», позволил изучить экстралингвистические аспекты текстов участников коммуникативного поля. Также были использованы такие методы, как контент-анализ, биографический метод, сравнительно-исторический и сопоставительный. Изучение позиций Карамзина и Шишкова позволяет сделать вывод о том, что при всей схожести они различались. Если Шишков категорически не принимал никаких изменений российской государственности, отстаивая необходимость сохранения ее абсолютистской незыблемости, то Карамзин, в молодости восхищавшийся Робеспьером, боготворивший затем Наполеона, открыто заявлял о своем республиканизме. Двусмысленность его позиции, на которую неоднократно обращали внимание исследователи, вполне объясняется феноменом развития республиканской мысли того времени, что показано в статье. Сперанский же, отвечая на критику «Проекта уложения», заявлял, что все подобные проекты сходны, т. е. имеют своим источником Римское право. Но это не было важно для его оппонентов, которые использовали все доступные инструменты для его дискредитации.

Ключевые слова:

Гражданский кодекс Наполеона, М. М. Сперанский, Н. М. Карамзин, А.С. Шишков, республиканизм, консерватизм, либерализм, эпоха Александра I, Комиссия составления законов, политический дискурс

Введение

Фундаментальная законодательная инициатива Наполеона I, выразившаяся в его «Гражданском Кодексе» ("Le Code civil"). оказала влияние на законодательство многих стран. Сам Наполеон, находясь в изгнании на острове Святой Елены утверждал: «Моя слава не в сорока выигранных сражениях ... Ватерлоо сотрет память о стольких победах; это как последнее действие, которое заставляет забыть о первом. Но то, что ничто не сотрет, что будет жить вечно, это мой гражданский кодекс, это протоколы моего Государственного совета; это сборники моей переписки с моими министрами; наконец все то хорошее, что я сделал как администратор, как реорганизатор большой французской семьи». [\[1, p. 401\]](#).

Либеральные начинания царствования Александра I не могли не обратиться к этому тексту, созданному в 1804 г. первым консулом Французской Республики.

Методология исследования

При написании данной статьи основным методом был метод дискурсивного анализа. Этот метод, предмет которого традиционно определяется как «речь, погруженная в жизнь» позволил изучить экстралингвистические аспекты текстов участников коммуникативного поля в политических спорах вокруг законодательных инициатив М.М. Сперанского в плане их соотнесенности с Гражданским кодексом Наполеона. Также были использованы такие как контент-анализ, биографический метод, сравнительно-исторический и сопоставительный.

Результаты исследования

В 1808 г. в Комиссию составления законов, действующую еще с царствования Павла I и

находящуюся тогда под непосредственным контролем товарища министра юстиции, одного из «молодых друзей» императора Н.Н. Новосильцева, был назначен М.М. Сперанский, работавший до того под началом другого «молодого друга» В.П. Кочубея в Министерстве внутренних дел, а затем сменивший Новосильцева на его посту. Постепенно, вращаясь в самых близких к императору кругах, сын черкутинского священника стал тем, кто определял направление политических и общественных преобразований начала александровской эпохи. В 1810 г., с учреждением Государственного совета, Сперанский был назначен государственным секретарем.

Собственно, именно с именем Сперанского, и связана первая попытка внедрения Кодекса Наполеона на территории Российской империи, по крайней мере именно это ему приписывали. Реформатор имел в своей библиотеке два издания этого документа и прекрасно знал законодательную практику нескольких европейских стран. Нет ничего удивительного том, что часть положений Кодекса он так или иначе использовал для своего «Проекта гражданского уложения», изданного в трех частях в 1809, 1810 и 1812 гг. При составлении «Проекта...» Сперанский пользовался предоставленными ему императором материалами Негласного комитета.

Несмотря на то, что «Проект...» подразумевал сохранение сословий, даруя им определенные ранжированные привилегии, республиканский характер Кодекса Наполеона явно просматривался в попытке ограничить власть монарха, и в том, что гражданские права (в отличие от политических и особых) даровались всему населению Российской империи, то есть границы между сословиями стирались. Действительно, французский текст Кодекса писался в условиях бессословного общества. И именно на это обращали внимание политические оппоненты Сперанского. По мере рассмотрения составленного Сперанским «Проекта Уложения» – сначала в Комиссии составления законов, а затем в Государственном совете – недовольство консервативных кругов деятельностью Сперанского возрастало. В условиях же усложняющейся внешнеполитической обстановки и назревающей войны с Наполеоном представить проект, в котором просматривались заимствования из наполеонова Кодекса, как предательство интересов России было и вовсе нетрудно.

Историк С.Ф. Платонов очень четко отметил эту особенность проекта Сперанского: «Если бы роль Сперанского ограничилась составлением проекта преобразований, о Сперанском можно было бы говорить немного, так как его проект остался без всякого влияния на строй общества и государства. Значение этого проекта заметнее в истории идей, чем в истории учреждений: он служил показателем известного направления в русском обществе и возбудил против себя протест представителей иных направлений». [\[2, с. 655\]](#).

С этим направлением всеми способами и боролись консервативные круги александровской «элиты». При дворе Александра I, если бросить на расстановку сил самый общий взгляд, на протяжении всего его царствования боролись две партии, представленные разными фаворитами в разные этапы этой борьбы. Причем одну из партий условно можно назвать «космополитами» или «реформаторами», другую — «патриотами» или «консерваторами». В этом придворном пасьянсе в период после заключения Тильзитского мира и до начала Отечественной войны 1812 г. реформатору Сперанскому противостояли консерваторы — Н. М. Карамзин и А. С. Шишков [см. подр.: 3, с. 8–28].

Карамзин в знаменитой «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», составленной им для Тверского салона великой княгини

Екатерины Павловны, писал недвусмысленно: «Уже в Манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно готовы будут и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что ж находим?.. Перевод Наполеонова Кодекса! Какое изумление для россиян! Какая пища для злословия! Благодаря Всевышнего, мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя, — у нас еще не Вестфалия, не Итальянское Королевство, не Варшавское Герцогство, где Кодекс Наполеонов, со слезами переведенный, служит Уставом гражданским. Для того ли существует Россия, как сильное государство, около тысячи лет? Для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю или 7[-ю] экс-адвокатами и экс-якобинцами?» [\[4, с. 195\]](#).

Адмирал Шишков, изучивший уже после отставки Сперанского поступившую в Государственный совет третью часть «Проекта», также накрепко привязал текст своего предшественника на посту государственного секретаря к Кодексу Наполеона: «Я нашёл её (третью часть «Проекта гражданского уложения» – А.Г.) написанную худым языком, без всякого чанья и соображения с нашими законами, с нашими нравами и обычаями, инде двусмысленную, часто невразумительную и даже наполненную безнравственными статьями, бестолково переведёнными из так называемого кодикса Наполеона» [\[5, с. 54\]](#).

Карамзин обращал внимание на неприменимость Кодекса к сословному обществу: «Кстати ли начинать, напр[имер], русское Уложение главою о правах гражданских, коих, в истинном смысле, не бывало и нет в России? У нас только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч. — все они имеют свои особенные права, — общего нет, кроме названия русских (...) все нерусское, все не по-русски, как вещи, так и предложение оных: (...) сия наполеоновская форма законов чужда для понятия русских» [\[4, с. 195\]](#).

Не нравилось смешение «состояний» и их прав и Шишкову. Он подробно разобрал первую главу первой части «Проекта...» в издании 1814 г., вышедшем некоторое время спустя после отставки Сперанского в связи с возобновлением обсуждения в Государственном совете. Адмирал замечал текстуальное смешивание прав гражданских, даруемых всем подданным, и прав политических, даруемых лишь представителям дворянства и «среднего состояния» – мещанам, купцам, государственным крестьянам. Границы между сословиями таким образом оказывались сильно размытыми. В заключении своих замечаний Шишков даже проводит этимологический анализ слова «гражданский», чтобы доказать его неуместность в данном документе.

Критикуя текст «Проекта...», Карамзин в конце концов задается риторическими вопросами, ради которых он и пускался в пространные рассуждения о несовершенстве представленного проекта: «Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применены к нашему гражданственному состоянию? Мы все, все любящие Россию, государя, ее славу, благоденствие, так ненавидим сей народ, обогранный кровью Европы, осыпанный прахом столь многих держав разрушенных, и, в то время, когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его Кодекс на святой алтарь Отечества?» [\[4, с. 197\]](#). Новые законы в России не нужны, т.к. русский народ – «старый народ», уже накопивший необходимое количество законоположений, которое необходимо только систематизировать. Устаревшие законы, уже непригодные для использования, не должны действовать, но «указы и постановления, изданные от времен царя Алексея до наших: вот – содержание Кодекса!» [\[4, с. 197\]](#). Собственно, именно это и было

осуществлено Сперанским уже много позднее при составлении «Собрания законов Российской империи», с той лишь оговоркой, что сделано это было в хронологическом порядке, а не по типу закона (гражданский или уголовный), как это предлагал Карамзин.

Карамзин в принципе выступал против идеи широкомасштабного писания новых законов государства. Абсолютная монархия и строго сословное общество несовместимы с тем пониманием закона, которое исповедовал Сперанский: «Самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для ее счастья (...) Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми — государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии, которое может быть утверждено, или ослаблено правилами царствующих» [\[4, с. 205, 208\]](#).

В абсолютистском государстве, где все в конце концов решает монарх, гораздо важнее его воля, ибо законы могут не выполняться и нарушаться.

Но при всей внешней риторической схожести позиций Карамзина и Шишкова они различаются принципиально. Консерватизм Шишкова основан на полном неприятии любого рода изменений в российской государственности, стремлении сохранить ее такой, какой она была сформирована исторически. С позицией Карамзина все гораздо сложнее. В молодости восхищавшийся Робеспьером, проливавший слезы о его казни [\[6, с. 165; 7, с. 502\]](#), после восхождения звезды Наполеона боготворивший его, историограф заявлял, что «я в душе республиканец и таким умру» [\[8, с. 328\]](#). Двусмысленность его позиции уже становилась предметом внимания в отечественных ученых [\[9, с. 202\]](#). И это вполне объясняется феноменами развития республиканской мысли. В доренессансный период, республиканское правление еще не противопоставлялось монархическому, а битва при мысе Акции не рассматривалась как крах «хорошего» государственного устройства и замена его «плохим», замена «законного» правительства «незаконным» [\[10, р. 460-464\]](#). Отчасти даже так называемым «неоримским» авторам эпохи Английской революции была присуща подобная двойственность (например, одному из лидеров парламентской оппозиции Генри Паркеру) [\[11, с. 31\]](#).

Тирания может испортить как «хорошую» республику, так и «хорошую» монархию. «Что сделали Якобинцы в отношении к Республикам, то Павел сделал в отношении к Самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оно», – писал Карамзин все в той же «Записке о древней и новой России» [\[4, с. 163\]](#).

Основу «правильного», «легитимного» государства составляет гражданская добродетель. И Рим Тацита, которому Карамзин в павловскую эпоху посвятил свое знаменитое стихотворение, плох не потому, что изменил государственное устройство, а потому, что римляне утратили гражданские доблести, став рабами тиранического правления. Именно для избежания установления тирании и полной утраты гражданских добродетелей не всегда возможно республиканское правление, которое должно быть заменено монархическим, если этих добродетелей не хватает.

«Без высокой народной добродетели Республика стоять не может. Вот почему монархическое правление гораздо счастливее и надежнее: оно не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают». – утверждал он на страницах «Вестника Европы» [\[12, с. 319-320\]](#). Тираном в России, дискредитировавшим монархию, был для Карамзина Павел I: «Он

хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святыя обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права» [\[4, с. 163\]](#).

Наполеон, возложив на себя корону, этим актом в одночасье лишился симпатий Карамзина, до этого восхвалявшего Первого консула: «Политические новости вам известны по газетам, – писал он брату Василию, – Наполеон Бонапарте променял титул великого человека на титул императора: власть показалась ему лучше славы» [\[8, с. 169\]](#).

Соответственно, Наполеон стал тираном и все, что от него исходит – гибельно для любого государства, несмотря даже на то, Кодекс был принят Трибуналом, утвержден Законодательным корпусом и подписан Наполеоном-первым консулом еще до коронации. Здесь необходимо обратить внимание на то, что еще в 1803 г. в своем журнале «Вестник Европы» Карамзин благосклонно и даже восторженно отзывался о Кодексе: «Ораторы консульские предлагают по частям гражданское уложение, изъясняя всякую мысль его. Предмет столь важный для счастья людей с гражданским обществом, что не одни французы, но все друзья человечества слушают речи их с любопытством, вниманием и живейшем удовольствием. Порядок, ясность идей, основательность рассуждений, язык достойный законов, составляют блестящие характер сего Кодекса» [\[13, с. 235\]](#).

Таким образом один и тот же текст, в достаточно короткий промежуток времени в сознании Карамзина прошел путь от документа, который интересен и нужен всем «друзьям человечества» до яростного возмущения возможным его использованием в российском законодательстве. Все это, конечно, заставляет искать еще и другую причину такого неприятия и искать ее следует не в тексте Кодекса, и даже не в личности Наполеона, а во внутреннем раскладе политических сил в России.

Выводы

Постепенно обсуждение «Проекта...» в Государственном совете сошло на нет. Последнее заседание по данному вопросу состоялось 8 марта 1815 г., а сам французский император уже через три месяца проиграл свою последнюю битву при Ватерлоо. Кодекс Наполеона ушел из актуального политического контекста до конца XIX в.

Но в этом же самое время в Вене заканчивал свои заседания конгресс, решениями которого было постановлено отдать России большую часть территории Герцогства Варшавского, где Кодекс Наполеона был введен самим французским императором с запрещением вносить в него какие-либо изменения. После образования Царства Польского действие Кодекса отменено не было, что, впрочем, мало беспокоило русских консерваторов, потому что такое «беспокойство» уже на работало как пропагандистский инструмент.

Однако мнение о том, что Сперанский позаимствовал текст своего уложения у Наполеона укоренилась в общественном сознании. Об этом писал в своих «Записках» имеющий личную обиду на Сперанского смещенный им с должности фактического руководителя Комиссии законов Г.А. Розенкамф: «Уже прежде (поездки в Эрфурт — А.Г.) приверженный от души к Французской системе централизации и усердный почитатель Наполеонова кодекса, он, с тех пор как побыл вблизи самого источника, вполне уверился, что подобное чудо можно и должно сотворить у нас. Дело же было и не слишком мудреное: Французский кодекс состоит всего-навсего из 1800 параграфов, и передать их в прекрасных русских фразах можно без особого труда в какой-нибудь год»

[Цит по: 14, с. 150].

Этому мнению оказался привержен даже биограф Сперанского М.А. Корф, который в своей панегирической официальной биографии закрепил эту версию: «Напитанный наполеоновскими идеями, он не давал никакой цены отечественному законодательству, называл его варварским и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию» [\[14, с. 154–155\]](#).

Современные исследователи продолжают спорить о том, насколько сильным было влияние Наполеоновского кодекса на законодательные инициативы Сперанского (факт того, что это влияние было, сомнению не подлежит) [см. подр.: 15, с. 130–139].

Сам же Сперанский в своем знаменитом пермском письме императору Александру замечал: «...искали доказать, что уложение, мной внесенное, есть перевод с Французского или близкое подражание: ложь или незнание, кои изобличить также нетрудно, ибо то и другое напечатано. В источнике своем, т. е. в Римском праве, все уложения всегда будут сходны; но с здравым смыслом, с знанием сих источников и коренного их языка можно почерпнуть прямо из них, не подражая никому и не учась ни в Немецких, ни во французских университетах» [\[16, с. 416\]](#).

Но эта истина не была важна противникам либеральной партии при александровском дворе, которые использовали обсуждение Кодекса Наполеона в общественно-политическом поле эпохи в связи с его «Проектом Уложения...» для дискредитации «безродного поповича». Таким образом текст Кодекса Наполеона в российской политической действительности стал не столько материалом для законодательного оформления государственного строя, сколько орудием политической борьбы.

Библиография

1. Montholon Ch. Récits de la captivité de l'empereur Napoléon à Sainte-Hélène: 2 vol. Paris, 1847. Vol. 1. 341 p.
2. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. С. 655.
3. Готовцева А. Г. «Он всегда будет жертвой интриг»: придворная борьба Александровской эпохи // Россия и современный мир. 2018. № 1(98). С. 8–28.
4. Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Терра, 2008. Т. 17. 678 с.
5. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова: в 2 т. Берлин: изд. Н. Киселева, Ю Самарина, 1870. Т. 2. IV, 464 с.
6. «Ваш покорный сын»: Письма Сергея Муравьева-Апостола к отцу. 1821–1823. М.: РГГУ, 2022. 273 с.
7. Тургенев Н. И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 763 с.
8. Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Терра, 2009. Т. 18. 620 с.
9. Каплун В. Л. «Жить Горацием или умереть Катонem»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII — первая треть XIX века) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 5(55). С. 197–219.
10. Hankins J. Exclusivist Republicanism and the Non-Monarchical Republic. Political Theory. 2010. 38(4). P. 460–464.
11. Скиннер К. Свобода до либерализма / пер. с англ. А. В. Магуна; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 119 с. ([RES PUBLICA]; вып. 1)
12. Карамзин Н. М. Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. № 20. С. 319–332.
13. Карамзин Н. М. Известия и замечания // Вестник Европы. 1803. № 7. С. 235–242.
14. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. СПб.: Имп. публичная библиотека, 1861.

Т. 1. XVIII, 283 с.

15. Ружицкая И. В. Кодификационные проекты императора Александра I как составная часть его политических реформ // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 130–139.

16. Сперанский М. М. Избранное / Сост., вступ. ст., ком. В.С. Парсамова. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает Гражданский кодекс Наполеона в политическом дискурсе Александровской эпохи, актуальность изучения которого не вызывает сомнения и обусловлена повышенным интересом научного сообщества к данной фундаментальной законодательной инициативе, оказавшей влияние на законодательство многих стран. Изучение политического дискурса не менее важно в силу общественной значимости политических явлений и процессов. Политические тексты, как никакие другие, нуждаются в дискурсивном анализе, предполагающем не только освещение собственно лингвистических свойств, но и анализ условий коммуникации, когнитивных механизмов создания и восприятия текста, широкого экстралингвистического фона (политического, социально-экономического, исторического, идеологического).

Теоретической основой исследования явились работы К. Скиннера, И. В. Ружицкой, В. Л. Каплуна, А. Г. Готовцевой, Н. И. Тургенева, J. Hankins и др. Методология исследования выбрана с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы и основана на методе дискурсивного анализа. Дискурсивный анализ – это не просто отдельный метод, а, скорее, методология, совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов. Также в работе использован контент-анализ, биографический метод, сравнительно-исторический и сопоставительный.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) изучить «экстралингвистические аспекты текстов участников коммуникативного поля в политических спорах вокруг законодательных инициатив М.М. Сперанского в плане их соотнесенности с Гражданским кодексом Наполеона» и прийти к выводу, что «текст Кодекса Наполеона в российской политической действительности стал не столько материалом для законодательного оформления государственного строя, сколько орудием политической борьбы». Следует отметить, что автору(ам) удалось показать, как «один и тот же текст, в достаточно короткий промежуток времени в сознании Карамзина прошел путь от документа, который интересен и нужен всем «друзьям человечества» до яростного возмущения возможным его использованием в российском законодательстве» и заметить, что «все это заставляет искать еще и другую причину такого неприятия и искать ее следует не в тексте Кодекса, и даже не в личности Наполеона, а во внутреннем раскладе политических сил в России».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие теории дискурса, социолингвистики, политической лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в курсах по общему языкознанию, лингвопрагматике, по лингвистике текста, публицистическому дискурсу, дискурсивному анализу и т. п.

Библиография статьи включает 16 источников, в том числе иностранных, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Однако автор(ы) практически не апеллируют к научным работам последних лет (самый актуальный источник издан в 2018 году). Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение работы, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».